

■ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ ■

П РЕЖДЕ чем вылететь в Республику Чад из Марокко, я посетил город Сафи, где в это время находился знаменитый ученый и путешественник Тур Хейердал. Отсюда отправилось в плавание через Атлантику его судно «Ра». Хейердал рассказывал, что несколько лет назад, изучая вопрос, могли ли древние африканские мореплаватели на камышовых судах пересечь океан и достичь Южной Америки (где найдены остатки сходных цивилизаций), он обнаружил в одном журнале фотографию папирусных лодок, которыми до сих пор пользуются рыбаки на озере Чад. Хейердал тотчас вылетел в Африку. Так было положено начало знаменитой экспедиции «Ра».

Когда вместе с местными охотниками я проходил по берегам Чада, то не раз нам приходилось с трудом продираться по зарослям папируса, в изобилии растущего в этих местах. Папирус — многолетнее травянистое растение семейства осоковых. Трехгранный пористый стебель в высоту вырастает до шести метров, а толщиной бывает с кулак. Почему-то не верилось, что звенящие по ветру стрелы стеблей с зонтиками цветов на макушке — это и есть тот самый папирус, на котором писали древние египтяне. Но именно так и было: родина

папируса — Тропическая Африка, откуда в древности его завезли на берега Нила. Бумагу теперь делают иным способом, но на озере Чад лодки строят так же, как и за много тысячелетий до нашей эры...

Местные жители показывали мне, как это делается. Несколько длинных стеблей связывают в плотный жгут, из которого сплетают борта. Получается неглубокая, устойчивая на воде корзина с высоко поднятыми носом и кормой. Укрепить парус — и корабль готов.

На таком судне ранним июньским утром я отправился с рыбаками в просторы голубого озера. Водная гладь казалась затянутой блестящей розовой слюдой. Это восточный край неба отражался в чистых водах Чада. Ветра почти не было, пришлось грести двумя длинными веслами. Когда берег исчез, рыбаки достали моток тонкой сети. Главного в команде звали Бокала. Он встал на корму, раскрутил тяжелый моток и запустил, как лассо. В воздухе сеть развернулась и, словно парашют, опустилась на глянцевую поверхность озера, ушла в глубину. Время от времени мы вытягивали сеть. Рыба попадалась некрупная, но ее было много. Вскоре наше судно-корзина наполнилась, и мы повернули обратно.

Рыболовство — одно из основных занятий населения Республики Чад. Ежегодный улов — свыше ста тысяч тонн. Рыбу коптят, вялят, солят и частично экспортируют в соседние страны. Для ловли рыбы используются нейлоно-

вые сети, и для обработки ее, в частности для копчения, применяются вполне современные методы. Рыбаки далеких чадских деревень слушают радио, в общих чертах представляют себе, что такое Советский Союз, где с официальным визитом побывал президент их страны Франсуа Томбалбай. И рядом со всем этим новым, современным, что вошло уже в быт и сознание народа, видишь уникальнейшие реликвии прошлого, прошедшие через века, — папирусные суда.

ДЕВИЗ РЕСПУБЛИКИ

Девиз, который выбрала Республика Чад, выражен в трех словах: «Единство, труд, прогресс». Призывы к единству часто слышатся в речах государственных деятелей, об этом много пишут, говорят по радио. В чем же заключается проблема?

В столице Чада Форт-Лами не везде еще проложены тротуары, не все улицы освещены. В столице, как и в стране в целом, многого пока не хватает. Но есть в Форт-Лами национальный музей, который создан совсем недавно и значение которого, на мой взгляд, очень велико. Испытывая недостаток в финансах, имея уйму нерешенных острых проблем, молодая республика выкраивает, однако, средства для музея, заботится о том, чтобы народ знал историю своей родины. Я был в этом музее и восхищался наскальными рисунками, которые оставили нам художники периода палеолита и неолита. В горном массиве Тибести и в долине реки Шари много веков существуют потрясающие картинные галереи, часть которых теперь перенесена в национальный музей. На кусках скал, на плоских камнях вы видите охотников, рыбаков, гончаров, изображения животных, жанровые сцены. Поражают совершенство рисунка, правильность пропорций, точность линий человеческого тела, передача движения... Нет сомнения, что когда-то, очень

Владимир Константинович Катин (род. в 1931 году) — журналист-международник, политический обозреватель АПН. Автор ряда книг. В 1965—1970 годах — корреспондент АПН в странах Африки.

Чад. Верблюжья бега.
Фото ТАСС

ЗВЕНЯЩИЙ

ПАПИРУС

В. КАТИН

«ПОДОБНО ЛЕСНОМУ ПОЖАРУ»

**ЖОРЖ РЕБЕЛЛО,
АРМАНДО ГЕБУЗ**

*Члены ЦК Фронта освобождения Мозамбика
(ФРЕЛИМО)*

Когда в 1964 году отряды ФРЕЛИМО начали военные действия против колонизаторов, португальцы заявляли, что мы будем разбиты в короткий срок и что нас лишь кучка «террористов», прибывших из-за границы.

Однако за истекшие шесть лет мы освободили свыше пятой части территории страны, предоставили миллиону человек, живущих в этих районах, больницы, амбулатории, школы, о чем раньше наш народ не мог и мечтать...

В мае 1970 года колонизаторы начали «тотальное» наступление. В бой была брошена 50-тысячная армия, которую поддерживали танки, бронемашины, а также реактивные самолеты и вертолеты.

Это была массированная атака и... «массированное» поражение.

Португальцы прислали своего «эксперта по партизанской войне» генерала Арриага, который возглавил кампанию. Однако, как и другие подобные «эксперты», Арриага потерпел фиаско. Колонизаторы атаковали освобожденные провинции Тетс, Ниасса и Кабо-Дельгадо — и всюду были отброшены назад. Мы сбили пять самолетов, в том числе реактивный истребитель «Фиат Г-91», вывели из строя много бронемашин.

Попавшие в наши руки письма португальских солдат свидетельствуют, что их моральный дух крайне невысок. Вот, например, что писали домой солдаты с позиций в провинции Кабо-Дельгадо: «Здесь, как на кладбище», «Мины растут, как кусты», «Когда наш взвод атаковал Бейду, мы потеряли 32 человека».

Недаром говорят в Мозамбике, что сопротивление народа подобно «фогуэро» — лесному пожару.

Прошлым летом мир стал свидетелем новых неудач колонизаторов в африканских колониях Португалии: Гвинее-Бисау, Анголе и Мозамбике. Провал летней кампании в Гвинее-Бисау привел, на наш взгляд, к агрессии против Гвинейской Республики.

Мы постоянно ощущаем помощь Советского Союза, других социалистических государств, всех прогрессивных сил.

Мы обращаемся ко всем людям доброй воли с призывом и впредь оказывать всемерное содействие борьбе нашего народа за свободу, разъяренный преступный характер политики португальских колонизаторов.

караванов, идущих из Египта и Северной Африки.

Европа стала интересоваться Чадом лишь во второй половине XIX века. Первая колониальная миссия была организована французами в конце его. Она потерпела провал, миссионеров выдворили. Вторая экспедиция, учтя печальный опыт предыдущей, повела дело более круто: ей удалось проникнуть в глубь страны, разведать природные богатства, побывать на озере Чад.

Империалистические хищники произвольно делили Африку, договариваясь между собой о сферах влияния. В 1898 году Франция поспешила застолбить Чад, заключив с Англией договор о разделе тропических областей континента. Долгие годы Чад принадлежал Франции лишь на бумаге: сопротивление колонизаторам не прекращалось, принимая формы стихийных восстаний, то организованных выступлений. Практически северная часть страны, в частности Сахара, всегда оставалась непокоренной. Но французы прочно прибрали к рукам южные районы — наиболее богатые и плодородные.

Независимость Чада обрел 11 августа 1960 года. И за последнее десятилетие страна добилась немалых успехов, в жизни ее произошли такие перемены, которых не было и не могло быть в условиях колониального гнета.

Прежде всего перед молодой республикой встала задача формирования нации, ее объединения. Разноязыкие племена, религиозные общины разного вероисповедания — мусульмане, анимисты, обожествляющие животных, католики; на огромной территории (1284 тысячи квадратных километров) крайне неравномерно расселено 3,5 миллиона человек — кочевники-скотоводы, обитатели джунглей, охотники, рыбаки. Столь неоднородное и разобщенное население необходимо было ориентировать на достижение одной, общей для всех цели — на развитие родины, ее экономический и культурный подъем.

Особенно трудными были первые годы, когда в стране действовало несколько партий и группировок, дискутировавших по любому поводу, хоть и не имевших четких политических платформ. Это было топтание на месте. И президент Чада Франсуа Томбалбай, занимающий этот пост со дня провозглашения республики, созвал в январе 1963 года в городе Форт-Аршамбо конгресс, на котором было принято важное

давно, Чад был цветущим краем, одним из тех районов нашей планеты, где возникали человеческие цивилизации.

Впоследствии территория Чада входила в состав влиятельных княжеств и империй, существовавших на африканском континенте в разные исторические периоды.

Эти земли были владением королевства Канем, империи Борну, султаната Багирми, мощной державы Уаддаи. Своеобразное географическое положение страны, находящейся на стыке Сахары с Тропической Африкой, сделало ее важным торговым районом. У озера Чад скрещивались пути

решение — об объединении всех политических групп в одну правящую Прогрессивную партию.

СВЕРШЕНИЯ И ПЛАНЫ

На автобусной остановке на окраине Форт-Лами стояла группа женщин с золотыми кольцами в левой ноздре. Кольцо в ноздре носят, как серьгу в ухе, — такова здешняя мода. Женщины обсуждали дела хлопковой фабрики, где, как я понял, они работают... В кинотеатре я слышал, как сзади говорили о хлопковых плантациях. В некоторых государственных учреждениях, где пришлось побывать, только и разговору было что о хлопкоуборочной кампании.

Что такое для Чада хлопок, станет ясно, если мы заглянем в справочник: от продажи хлопка на внешних рынках страна получает около 80 процентов всех валютных поступлений. Последний урожай был рекордным для страны — около 150 тысяч тонн.

Оговоримся: не вся выручка пока идет в государственную казну, не всеми доходами от реализации высококачественного хлопка пользуются те, кто вырастил его. Еще с колониальных времен французские и бельгийские предприниматели удерживают за собой монопольное право на скупку и переработку хлопка-сырца. Однако, как мне рассказывали в Форт-Лами, государство расширяет сферу своего контроля и участия в этой отрасли.

Земледельцы Чада выращивают также арахис, зерновые, овощи, финики, тропические фрукты. Природные условия на обширной территории страны разнообразны, что позволяет производить многие культуры. Однако только хлопок оказался единственно приемлемым для культивирования в больших масштабах. Монокультурный характер экономики в значительной мере определяется географическим положением Чада, чем и пользуются неоконизаторы, заинтересованные в консервации такого состояния. Страна находится почти в самом центре Африки и не имеет выхода к морю. Республика Чад испытывает серьезные трудности с транспортировкой экспортных и импортных товаров. Из-за этого она практически лишена возможности продавать за границу скоропортящиеся продукты, фрукты, например. Хлопок же выдерживает продолжительный путь. Это глав-

ным образом и сделало его здесь культурой номер один. Кроме того, из хлопковых семян изготавливают масло, а жмых идет на корм скоту. Кстати, скотоводство по своему значению в народном хозяйстве занимает второе место: в стране около десяти миллионов голов крупного и мелкого рогатого скота. Таким образом, хлопок, скот и рыболовство являются теми тремя китами, на которых стоит экономика республики.

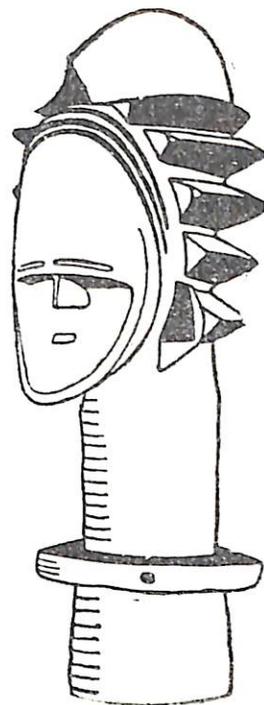
Руководители страны считают эту традиционно сложившуюся базу не отвечающей требованиям века. Принят и выполняется пятилетний план, основные цели которого определены так: подъем сельского хозяйства, решение проблемы транспорта и путей сообщения, создание промышленности, развитие системы образования, городское строительство. Остановимся на этих проблемах.

...Когда самолет, на котором мы вылетели из Триполи в Форт-Лами, поднялся в воздух, пассажирам «Каравеллы» объявили, что до самого пункта назначения мы не будем пролетать ни над одним городом. Под нами плыла желто-серая Сахара, занимающая значительную часть территории Чада. Освоить новые земли, усовершенствовать методы возделывания полей (которые обрабатываются очень примитивно) — таковы задачи пятилетки.

Чтобы получить выход к океану, планируется построить железную дорогу, которая соединит Форт-Аршамбо с атлантическим побережьем в Камеруне, в районе Дуалы. Развитие коммуникаций не решает, конечно, проблему подъема экономики, но дает для этого определенный стимул.

В справочнике министерства информации Чада есть перечень промышленных предприятий, созданных после провозглашения независимости. Это текстильный комбинат, несколько предприятий пищевой индустрии, в частности сахарный и мукомольные заводы. Заложена основа легкой промышленности, причем буквально на голом месте.

В колониальный период в Чаде не было никакого промышленного производства, кроме кустарного. Сейчас разрабатываются проекты по освоению недр и созданию более сложных отраслей. Но для развития промышленности придется преодолеть еще много препятствий, порожденных как своекорыстными устремлениями неоконизаторов, так и внутренними трудностями, например нехваткой кадров. Это связано с проблемой

развития народного образования. Как пишут, в Чаде до независимости школу посещало около четырех процентов детей. Мои знакомые в Форт-Лами утверждали, что и эта цифра сильно преувеличена, что в действительности число учащихся составляло десять доли процента. Сейчас обучением охвачено 32 процента детей школьного возраста. Я видел каждое утро толпы темнокожих кудрявых ребят, спешащих в школы. «Мы добьемся, чтобы места за партой хватило всем», — говорят руководители республики.

Надо думать, что не так уж далеко время, когда всем маленьким гражданам Чада достанется место в школе. А когда новое поколение подрастет, то каждый гражданин, будем надеяться, найдет и свое твердое место в жизни.

Проблемы Африки в Пагуошском движении

ЧЛЕНАМИ Пагуошского движения ученых являются следующие африканские страны: Гана, Дагомея, Замбия, Кения, Малагасийская Республика, Нигерия, ОАР, Судан, Сьерра-Леоне, Танзания, Того, Уганда, Эфиопия и Южно-Африканская Республика. В постоянном Пагуошском комитете страны Африки представляет доктор В. К. Чагула (Танзания).

Участвуя в общеполитических дискуссиях Пагуошских конференций, ученые Африки ставят на повестку дня и свои, «чисто африканские» проблемы: экономическое и культурное развитие стран Африки, становление национальной науки, координация научных исследований, налаживание научно-технического сотрудничества между африканскими странами, вопросы высшего образования, роль университетов.

Наибольшее число африканских ученых (около 30) присутствовало на XV Пагуошской конференции, в столице Эфиопии Аддис-Абебе. Конференция была посвящена такой актуальной для африканских стран теме, как «Наука и помощь развивающимся странам».

Участие ученых Африки в работе Пагуошских конференций свидетельствует об их растущей роли в решении международных и национальных проблем, в экономическом, культурном и научном становлении своих стран.

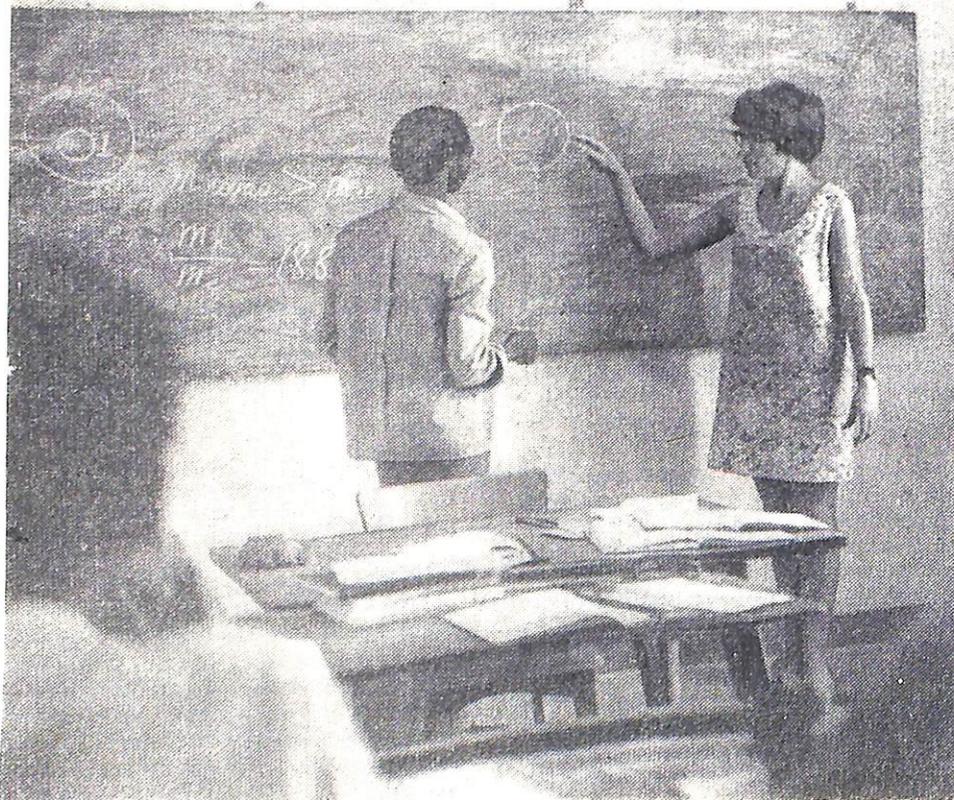
М. ГРЫЗУНОВА

*Чад. Активное участие в политической жизни страны принимают женщины.
На снимке: Демонстрация активисток Прогрессивной партии.*

✱

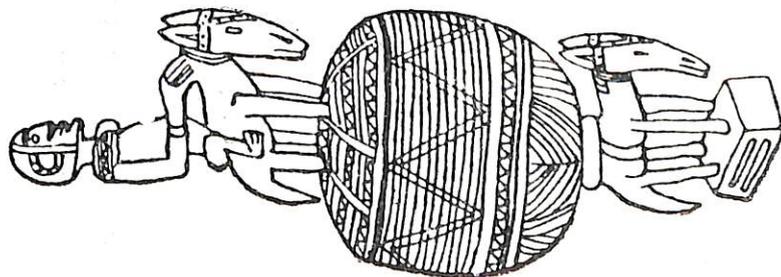
Урок физики в лицее Форт-Лами ведет советский преподаватель

Б И Б Л И О Т Е Ч К А Ж У Р Н А Л А

ВЫПУСК ТРЕТИЙ * 1971

Леопольд Седар СЕНГОР

ЧАКА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА
ДЛЯ НЕСКОЛЬКИХ ГОЛОСОВ

*

Л. С. СЕНИОР

Поэма выдающегося современного сенегальского поэта Леопольда Седара Сенгора «Чака» — признанный шедевр африканской поэзии XX века. Поэт взволнованно рассказывает о прославленном государственном деятеле и полководце Юга Африки, создавшем в первой половине прошлого столетия могущественное государство Зулу. В поэме Сенгора Чака предстает как человек, полный любви к родножи континенту, жаждущий любой ценой добиться независимости и процветания народов Африки.

Поэма публикуется в переводе с французского Д. Самойлова.

И предвечное небо без тучек, и безмолвные синие чащи, и
голос, одинокий и строгий.
Продлись, великая звучная битва, это стройное составянье,
где пот подобен жемчужным каплям росы!
О нет, я погибну от ожидания...
Меня задушит восторгом золотистая ночь — о Черная Ночь,
о Нопвал
И звуки тамтамов, в которых родится солнце нового мира.

Чака медленно опускается на землю: он мертв.

К о р и ф е й

Светлый рассвет, новые зори, да спадет пелена с глаз
моего народа.

Х о р

Байете Баба! Байете о Байете!

К о р и ф е й

Росы, прохладные росы, пробуждают подземные корни народа.

Х о р

Байете Баба! Байете о Байете!

К о р и ф е й

И там — высокое солнце в зените светит всем народам земли.

Х о р

Байете Баба! Байете о Байете!

Хор повторяет этот припев, медленно удаляясь за занавес.

Хор

Нолива умрет, покинет смертный свой облик.
И заря принесет нам *Добрые Вести*.

Чака

О Ночь! О Нолива!
Великая слабость умирает в твоих благовонных руках,
облегчающих горе.
И палящим дыханием пальмы наполнена грудь,
В этот миг аромат укрепляет усталые мышцы,
Фимиамы у брачного ложа одаряют всевиденьем сердце.
О моя золотистая Ночь! Ты, сияющая на окрестных холмах!
Словно влажные ветры веют над рубиновым ложем, над
тобой, моя Черная, — в каплях алмазного пота,
с черной лоснящейся кожей, с телом, прозрачным,
как в первое утро творенья.
И когда мы встаем обнаженные друг перед другом
и стоим потрясенные и ослепленные перед взором
любви, —
Умирает сжимавшая горло тоска.
О душа, обнаженная до корней, до первородного камня!
Да, тоска умирает в твоих благоуханных руках.

Хор

Байте Баба! Байте о Зулу!

Чака

Звучи, отдаленный тамтам! Вбирай в себя голос ночи и
дальних селений,
Звучи над холмами и рощами, над болотистой поймой реки.
Я лишь Тот-Кто-Способствует-Звуку,
резная ударная палочка,
Ладья, рассекающая волны, рука, засевающая небо, стопа,
полирающая чрево земли,
Колотушка, обрученная со звонким деревом. Я лишь ударная
палочка, бьющая по тамтamu.
Кто говорит, что мелодия однообразна? Однообразна радость,
однообразно прекрасное,

Погибшим банту
Южной Африки

Песнь первая

На фоне глухих звуков траурного тамтама

Белый голос

Здесь ты, Чака, подобный пантере, подобный зловередной гиене,
Здесь, на земле распятой тремя ассагаями¹, ты, завещанный
небьтию.
Вот хождение твое по страстям. Пусть кровавые реки, что тебя
омывали, послужат возмездьем тебе.

Чака

(лицо его спокойно)

Да, я здесь, и два брата со мной, два предателя,
два проходимца.
Два глупца. Ха! Я здесь, но я не гиена, я Лев Эфиопии
с поднятою головой.
Я вернулся сюда! Я в стране лучезарного детства!
Здесь должно завершиться хождение мое.

Белый голос

Чака, забько дрожишь ты в пределах крайнего Юга, а гневное
солнце хохочет в зените.
Для тебя — о черная тень среди белого дня — замолкли гобои
воркующих горлиц.
Один лишь мой голос как светлый клинок, пронзает твои семь
сердец.

¹ Ассагай (л. з. у. л. у) — копье.

Ч а к а

Белый голос, голос заморских краев! Очнь очей моих изнутри
освещает алмазную ночь.
Мне не нужно лживого дня. Грудь моя, словно щит, принимает
удары утреков.
Предрассветные росы на кустах тамаринда предвещают явление
светила на прозрачных моих небесах.
Чулко слушаю гортанное воркованье Ноливы и содрогаюсь до
мозга костей!

Б е л ы й г о л о с

Ха-ха-ха, Чака, смеешь ли ты говорить о Ноливе, о твоей
нежно-прекрасной невесте,
Чье сердце, как масло, чьи глаза — лепестки остролистных
кувшинок, чья речь — воркованье ручья?
Ты убил ее, нежно-прекрасную, и с нею убил свою совесть.

Ч а к а

Э! Зачем говоришь ты про совесть!..
Да, ее я убил, когда она пребывала в лазурном краю
сновидений.
Да, убил беспрепятной дланью.
Только вспыхнула узкая сталь в благоуханных зарослях
подплечья.

Б е л ы й г о л о с

Ага! Ты признался, о Чака! Так признайся тогда в истребленье
миллионов мужей, в смерти тысяч молочных младенцев
и беременных жен.
Ты, великий кормилец гнен и стервятников, песнопевец
Загробных долин.
Там, где ждали воители, обьявилась мясник.
И овраги разбухли от крови, и сочатся источники кровью,
Одичалые псы воют в мертвых долинах, и в поднебесье кружат
коршуньи смерти.
О Чака, зулус, ты страшней, чем чума или жадный пожар
сухолесья.

Х о р

Байте Баба! Байте о Зулү!

К о р и ф е й

Ты — гибкий танцор, порождающий звуки тамтама
соразмерным движением тела и рук.

Х о р

Байте Баба! Байте о Зулү!

К о р и ф е й

Я пою твою мощь, детородную щедрю силу.
О возлюбленный Ночи, чьи длинные волосы, словно падушие
звезды, творец животворного слова, песнопевец страны
лучезарного детства.

Х о р

Пусть Правитель умрет и останется только Певец!

Ч а к а

Пусть ритмы тамтама наполнят Биеньем часы. Воспой эту Ночь
и Ноливу.
Ты же, Хор, стань ночным караулом, стань бессонною стражей
нашей лнбви.

К о р и ф е й

И вот мы стоим у врат этой Ночи, вдыхая старинные сказки,
вкусая плоды и орехи.
Нет, мы не сомкнем наших глаз, мы бодрствуем в ожидании
Добрых Вестей.

Хор

Байте Баба! Байте о Байете!

Чака

О возлюбленная, я так долго томился по этому часу, так долго блуждал по степям моей юности.
И пребывал в убежище мудрых,
а другим доставались звучные флейты и сладость прозрачного меда.

Хор

О Зулус! Ты, прошедший суровый обряд посвящения, ты, украшенный воинской татуировкой.

Чака

Я долго вешал в бесплодной пустыне,
Я долго сражался в смертельном моем одиночестве,
Я боролся с призываем. Такъв мой искус, и таков очистительный подвиг поэта.

Корифей

О зулус, ты вырастил сильными нас, ты — источник, который снабдил нас живою водой,
Ты С-Рожденья-Отмененный-Мощью, возложивший на черные плечи свои судьбу чернокожих народов.

Хор

Байте Баба! Байте о Зулу!

Корифей

Ты — воитель. Ниспадают завесы, и отважные воины смотрят, как ты умираешь,
И от этого горького хмеля трепещут тела.

Чака

Слушай, ты, гогочущий птичник, ты, голодная стая просянок! Слушай о сотне блестящих полков, в шелковистых мохнатых зачесах, посягающих маслом, подобно надраенной меди.
Я секиру занес в этом мертвом лесу, я поджег одичалые заросли, словно мудрый хозяин. Этот пепел подобрал осеннюю вспашку земли.

Белый голос

Как? Ни слова раскаянья...

Чака

Сожалеют о зле.

Белый голос

Величайшее зло — похитить сладость дыхания.

Чака

Величайшее зло — это слабость людского нутра.

Белый голос

Слабость сердца простительна...

Чака

Слабость сердца священна...
А! Ты думаешь, я ее не любил, золотистую деву, легче перышка, благоуханней бальзама, с кожей нежной, как мех гладкой выдры, прохладной, как снега Килиманджаро.
Грудь — поле созревшего риса, холмы благовонных акаций под ветром Восточным,
Нолива, чьи руки, как гибкие змеи, и губы, как малые змейки, Нолива, чьи очи — созвездья, которым не надо луны и не надо тамтама, —

Во мне ее голос и пульс лихорадочной ночи...

А! Ты думаешь, я не люблю!

Да! Но эти бессчетные годы, это колесование на дыбе годов, и ошеник, который душил мою волю, Эта злая бессонная ночь... На коне я спешил от Замбези, я скакал и выл на звезды, терзаем неведомой болью, словно леопард мне впился зубами в загривок.

Я б ее не убил, если б меньше любил...

Нужно было отбросить сомнения, забыть опьяненье от сладкого млека пылающих уст, от безумных тамтамов, от ночного биения крови, от нутра, где кипит раскаленная лава, от страсти к Ноливе — во имя моего черного Народа.

Белый голос

Слушай, Чака, ты просто поэт... или ты краснобай... или даже политик!

Чака

Два гонца доложили мне:

«Они высадились на берегу, взяв отвесы, компасы, секстанты, Белокожие и светлоглазые, слишком грубая речь, слишком тонкие губы,

гром они привезли на своих кораблях!

И тогда я забыл колебанья, я стоял — ни палач, ни солдат — Да, политик, как ты говоришь — а поэта убил я в себе,— я стоял человеком, готовым на подвиг.

Да, я был человеком и уже обречен был на смерть, прежде всех, прежде тех, о ком ты сожалел.

Кто познает великие страсти мои?

Белый голос

Ты в полном уме и в памяти.

Так вслушайся, Чака, и вспомни!

Голос знахаря Исанусси
(в отдалении)

Думай, Чака, я тебя не хочу принуждать: я всего только знахарь, я только подручный.

Корифей

Вот время ожившей любви, пришедшее в миг расставанья, Здесь Чака один! Он полон страстей и желаний, и счастье теснит его грудь, наподобье тоски.

Хор

Байете Баба! Байете о Байете!

Чака

Я не песнь, не стремительный голос тамтама, Я еще и не ритм. Я стою неподвижен, как изваянье Бауле, Я еще и не песнь, что пробилась из звучных глубин, Я не тот, что творит эту песнь, я лишь тот, кто ей помогает. Я не мать, я отец, я Баюкаю, и ласкаю, и держу на руках, и тихие речи твержу.

Корифей

О Чака, зулу! Ты больше не пламенный Лев, чей взор пепелил отдаленные села.

Хор

Байете Баба! Байете о Байете!

Корифей

Ты больше не Слон, что топчет посевы батата, сокрушая гордые пальмы.

Хор

Байете Баба! Байете о Байете!

Корифей

Ты больше не Буйвол, что яростней Льва и Слона, не Буйвол, ломавший шиты храбрцов. Твоим ли устам твердить слова примиренья?

Песнь вторая

Тамтамы любви, стремительно

Ч а к а

(мгновение глаза его закрыты; он поднимает веки и устремляет долгий взор к Востоку, лицо его строго и вдохновенно)

Вот и Ночь! Эта нежно-прекрасная Ночь с золотой лучистой луной.

Слышу утреннее воркованье Ноливы, оно катится, словно спелый плод по душистой траве.

Х о р

Он нас покидает! О, как его кожа черна!

Это час одиночества.

Восхвалим Зулуса, пускай укрепит его звук песнопений.

Байте Баба! Байте о Зулу!³

К о р и ф е й

Он весь излучает сиянье! Вот минута перевоплощения!

Песнь созрела в садах лучезарного детства, настал час любви.

Ч а к а

О возлюбленная, я так долго томился по этому часу.

Так долго стремился и ждал нескончаемой ночи любви и так бесконечно страдал.

Как грузеник в полдень, обнимаю прохладную землю.

³ Приветственный клич в честь вождя.

Власть не дается без жертвы, настоящая власть — она требует крови тех, что дороги нам.

Г о л о с
(похожий на голос Чаки, в отдалении)

Нужно все принять и решиться на смерть...

Завтра кровь оросит твои зелья, как молоко орошает кускус².

Прочь с глаз моих, знахары! Каждый смертник имеет право на минуту забвенья!

Ч а к а
(очнулся)

Нет, нет, Белый голос, ты знаешь прекрасно...

Б е л ы й г о л о с

Что цель твоя — власть...

Ч а к а

Только средство...

Б е л ы й г о л о с

Упоенье!

Ч а к а

Мой скорбный путь.

Я увидел мой край, на четыре стороны света, под властью компаса, секстанта, отвеса, Где загублены рощи, сглажены горы, где в железо закованы реки и доли.

Я увидел свой край на четыре стороны света, весь в сплетенье стальных двухколейных путей,

Я увидел народы крайнего Юга муравейником, копошащимся в молчаливом труде.

² Кускус — африканское кушанье.

Труд священный уже не высокое действо — ни тамтам,
ни ритмичное пенье, ни танец на празднествах
весен и осени.

Люди дальнего Юга — на верфи, в порту, в мастерской и на
шахте.

А ночами упрятаны в тесный крааль нищеты.

Люди Юга воздвигли огромные горы из черного золота, из
красного золота — а сами они голодают.

И я зрю по утрам, возникающим в дыме зарю, лес мохнатых
голов, и молящие очи, и запавшие животы, и бесчисленные
уста, призывающие непостижимого бога.

Мог ли я оставаться глухим к их страданиям и к их унижениям?

Белый голос

Голос твой раскалился от ненависти...

Чака

Ненавижу только угнетенье...

Белый голос

Раскалился от ненависти, превращающей в пепел сердца.

Слабость сердца священна, умерь свои буйные вихри!

Чака

Любить свой народ — не значит ненавидеть других.

Нет, не может быть мира, когда наготове оружие, и не может

быть мира под гнетом,

и не может быть братства без равенства. Я ж хотел, чтобы
все были братья.

Белый голос

Юг ты поднял на Белых...

Чака

Ах вот ты о чем, Белый голос, голос хитрости, голос
пристрастья, голос силы, восставшей на слабость, голос
заморской корысти.

Разве я ненавидел Розовоухих? Мы их приняли, словно
посланцев богов, словом ласки, и яством, и сладким питьем.

Им хотелось товаров — мы дали им все: и бивни медового

цвета, и кожи, пестрее, чем радуги,

драгоценные пряности, дивные камни, обезьян, полугаев — что

надо еще?

Что сказать об их жалких дарах, о пустых побрякушках?

Только громом их пушек был разбужден мой разум,

и стало страданье нашим уделом — страданье духа и плоти.

Белый голос

Смирненные души страдают во имя спасенья...

Чака

Я страдал...

Белый голос

Сокрушенной душой...

Чака

Во имя любви к моим черным народам.

Белый голос

Во имя Ноливы и тех, что погибли в Смертной долине?

Чака

Во имя возлюбленной. К чему пваторять то, что сказано!
Каждая смерть убивала меня. Надо было готовить грядущую
жатву.

Тесать жернова для помола, для белой муки, добываемой
черною мулкой.

Белый голос

Да простится тому, кто много скорбел и страдал...